

ВОСПОМИНАНИЕ О БЫЛОМЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

— Случилось-таки и мнѣ на своемъ вѣку порядкомъ трухнуть, да, слава Богу, сошло какъ-то легко, сказалъ однажды отставной ротмистръ П..... гусарскаго полка, покуривая изъ своей небольшой пѣнковой трубочки.

— Расскажите, пожалуйста, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Извольте. Отчего же не рассказать.... Было это въ 1822 году. Служилъ я тогда юнкеромъ въ П..... гусарскомъ полку, и стояли мы на квартирахъ въ губернскомъ городѣ О*. Въ то время я былъ очень молодъ, пылокъ, — словомъ, горячая голова. По случаю проѣзда какихъ-то важныхъ особъ, назначали поочередно юнкеровъ дежурить на почтовую станцію; дошла очередь и до меня. Погода была скверная: дождь лилъ какъ изъ ведра; но нечего дѣлать: я отправился на дежурство. Промѣсивъ порядочное количество улицъ и промочивъ ноги, дошелъ я до станціи, выбивая губами барабанную трель. Вхожу въ комнату для пріѣзжихъ и начинаю измѣрять длину ея, то есть шагать изъ угла въ уголъ, въ надеждѣ хоть усиленнымъ моціономъ отогрѣть окоченѣвшіе члены. Вдругъ съ радостію слышу подъ окошкомъ крики: «сбитень, сбитень горячій!» Давай его сюда! кричу я, подбѣжавъ къ окошку. То-то задамъ работы сбитню горячему, говорилъ я, встрѣчая входившаго въ комнату сбитеньщика. Да и надо вамъ замѣтить, господа, добавилъ ротмистръ: какіе въ то время были

сбитни, просто прелесть! Что теперь! да я теперешняго сбитня и въ ротъ не возьму, и при этомъ онъ съ неудовольствіемъ плюнулъ. Минуть черезъ десять сидѣлъ я уже въ наилучшемъ настроеніи духа, выпивая чуть ли не третій стаканъ живительнаго напитка и слушая неумолкаемую болтовню бородатаго сбитеньщика, старавшагося, какъ кажется, своими разказами придать мнѣ болѣе аппетита.... Но вотъ отворяется съ шумомъ дверь и входитъ, подбоченившись, станціонный смотритель. Фу, ты пропасть! какъ сейчасъ смотрю на его рябую рожу, на которой, словно испуганныя мыши, бѣгали два бѣлмастыхъ глаза. Фигура «диктатора почтовой станціи», говоря словами поэта, одѣтая въ какой-то допотопный видмундиръ, вполне соответствовала его рожѣ.

— Это что такое? заревѣлъ онъ, устремивъ на меня свой оловянный взглядъ.

— Юнкеръ, отвѣчалъ я, доставая ложечкою кусочекъ калача, потонувшій на днѣ стакана.

— Зачѣмъ вышепоименованный юнкеръ находится въ семъ запрещенномъ мѣстѣ, то есть горницѣ, обреченной для именитыхъ вождей россійскихъ? спросилъ станціонный, сохраняя все ту же воинственную позу.

— Затѣмъ, отвѣчалъ я чуть дребезжающимъ отъ гнѣва голосомъ:—чтобы любоваться пьяной фигурой станціоннаго.

— Какъ? что это такое? я что-то не слыхалъ. Мнѣ послышалось, что назначенный по указу Его Императорскаго Величества станціонный смотритель, сирѣчь моя собственная персона, пользующаяся правами 14 класса, пьянъ?... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Повтори-ка, повтори! заревѣлъ онъ, подходя ко мнѣ на нѣсколько шаговъ.

— Слушай! закричалъ и я:—я назначенъ сюда начальствомъ для дежурства, слѣдовательно имѣю полное право сидѣть гдѣ мнѣ угодно. Не имѣя надобности отдавать тебѣ отчета въ своихъ поступкахъ, я говорю это единственно потому, чтобы ты отъ меня отсталъ. Больше не услышишь отъ меня ни слова.

Сказавши это, я повернулся къ нему спиною и сталъ расплачиваться со сбитеньщикомъ. Но не суждено мнѣ было мирнымъ образомъ разстаться съ воинственнымъ станціоннымъ: геронзмъ его, ограничивавшійся сначала словами, началъ проявляться фактически: все ближе и ближе подвигалась ко мнѣ его

пьяная рожа, все ощутительнѣе и ощутительнѣе становился за-пахъ винныхъ паровъ, смѣшанный съ запахомъ лука.

— Какъ! ревѣлъ онъ, дѣлая сильное удареніе на о: — безъ моего разрѣшенія, безъ моего дозволенія разсѣсться въ комнатѣ именитыхъ вождей! нѣтъ! надо вывести его.... посмотримъ, чья сила возьметъ.

И съ этими словами схватилъ онъ меня за руку....

Не помня себя, выхватилъ я саблю и давай валять пьянаго зрителя тупымъ концомъ по спинѣ. Онъ отъ меня, я за нимъ, и такимъ образомъ догналъ я его до сѣней, гдѣ, прижавши къ стѣнѣ, требовалъ, чтобы онъ просилъ извиненія. Не тутъ-то было: вмѣсто признанія своей вины, станціонный сталъ испускать страшныя ругательства и звать къ себѣ на помощь ямщиковъ:

— Иванъ! Гаврила! Семень! кричалъ онъ:—разбойники! вайте этому мошеннику руки! онъ осмѣлился бить 14 классъ! слышите ли? а не то я васъ въ тартарары отправлю.

— Вреть онъ, ваше благородіе, отвѣчали ямщики, радуясь сердечно, что колотятъ ихъ пьянаго начальника:—экъ выдумалъ—четырнадцатаго класса! Такой анаемы у насъ сродясь не было! Накиньте-ка ему еще хорошенько.

Дѣйствительно, видно, я точно накинулъ, потому что станціонный сдѣлалъ сверхъестественное усиліе, вырвался изъ моихъ рукъ, легче серны перескочилъ черезъ сѣни и исчезъ за угломъ дома.

— Куда это онъ? спросилъ я у ямщиковъ, едва переводя духъ.

— А лѣшій его знаетъ, отвѣчали мужики, почесывая въ своихъ затылкахъ: — должно, жаловаться къ почтмейстеру пошелъ.

«Ну, плохо дѣло, подумалъ я, начиная приходить въ себя:—толкнула же меня нелегкая колотить этого зрителя. Да что жъ было дѣлать: самъ навязался.... Куда идти? а надо предупредить жалобу.»

Подумавъ немного, отправился я почти бѣгомъ къ старшему адъютанту, Павлу Ефимовичу П*, хорошему моему знакомому, да къ тому же прекраснѣйшему человѣку.

— Что съ вами? спросилъ онъ, сидя за столомъ, заваленнымъ кипюю бумагъ, когда я вбѣжалъ въ дивизионную канцелярію:—на васъ лица нѣтъ! вы блѣднѣе рубашки.

— Да что, Павелъ Ефимовичъ, отвѣчалъ я задыхаясь: — у насъ случилось несчастіе.

Очередь поблѣднѣть дошла до дивизионнаго адъютанта.

— Что такое? вскричалъ онъ, вскочивши съ своего мѣста, какъ будто его что укусило.

— Я отколотилъ смотрителя.

Дивизионный адъютантъ нѣсколько успокоился, но, конечно, за себя, а никакъ не за меня.

— Какъ же это такъ?

Я вкратцѣ рассказалъ все.

— Добрѣйшій Павелъ Ефимовичъ! нельзя ли какъ нибудь предупредить дивизионнаго начальника: иначе я погибъ, говорилъ я, едва приводя въ порядокъ свои мысли.

— Нѣтъ, за это не берусь. Дивизионный командиръ сегодня пресердитый: все такъ и рветъ и мечетъ; а послушайте лучше мой совѣтъ: отправляйтесь прямо къ нему, расскажите все; быть можетъ, онъ и разсудитъ это дѣло какъ слѣдуетъ.

Отъ одного совѣта идти къ начальнику меня пробрала такая дрожь, что я насилу устоялъ на ногахъ; да и было чего пугаться: дивизионный начальникъ нашъ былъ храбрый, боевой генералъ, нѣмецъ по рожденію, человекъ души доброй, но такого вспыльчиваго и бѣшенаго нрава, что попасться къ нему подъ сердитую руку не приведи Господи! живаго съѣсть! Откладывать же далѣе нельзя было, потому что станціонный могъ предупредить меня, и тогда все дѣло испорчено. «Ну! была не была, подумалъ я, семи смертямъ не бывать, а одной не миновать»; помолился Богу, да и отправился къ генералу твердою поступью.

— Не велѣно никого пускать, сказалъ мнѣ въ передней камердинеръ, какъ-то косо поглядывая на меня.

— Скажи его превосходительству, что очень нужно, возразилъ я безсознательно.

Не успѣлъ я передъ зеркаломъ привести въ порядокъ свою растрепанную фигуру, какъ услышалъ чуть ли не черезъ три комнаты страшный крикъ его превосходительства:

— Кто осмѣлился тревожить меня, когда я не велѣлъ никого впускать? и что за важное дѣло могу я услышать отъ юнкера? О! я не люблю шутить.

И съ этими словами дверь распахнулась, и я очутился глазъ на глазъ съ грознымъ начальникомъ.

— За какимъ дѣломъ, господинъ юнкеръ, пришли вы тревожить своего начальника....

— Ваше превосходительство, произнесъ я чуть слышнымъ голосомъ:—я пришелъ чистосердечно, какъ передъ отцомъ, покаяться въ своемъ проступкѣ.

— Какъ! вы пришли сюда съ проступками, закричалъ вспылчивый генералъ: — вы пришли подвергать меня страшной отвѣтственности; моя честь можетъ пострадать за васъ, а васъ, какъ преступника, могутъ сослать на галеры.... что я говорю на галеры!... Богъ знаетъ куда пошлютъ! гремѣлъ онъ, обдавая меня, наподобіе фонтана, брызгами пѣны, скопившейся у немолкаемаго рта. — Быть можетъ, это какое преступленіе, убійство, расхищеніе казенныхъ денегъ. Говорите, что это за проступокъ?

— Ваше превосходительство, я отколотилъ станціоннаго смотрителя.

— Какъ! заревѣлъ онъ еще громче: — вы осмѣлились бить чиновника почтоваго вѣдомства и въ его лицѣ обезчестили всѣхъ служащихъ! да знаете ли: васъ лишатъ чиновъ, крестовъ, дворянства; васъ, какъ злодѣя, убійцу, отправятъ на вѣчное поселеніе, куда нибудь въ рудники; на васъ надѣнутъ оковы, надъ вами, на эшафотѣ, будутъ ломать шпагу.... что я говорю: шпагу! надъ вами слѣдовало бы сломать ихъ три; а ваши престарѣлые родители? ихъ ожидаетъ несчастная участь, видя сына преступника и злодѣя.... Съ отцомъ вашимъ, отъ отчаянія, можетъ слѣзаться ударъ; матушка можетъ умереть въ горѣ, а ваши дѣти?... о! несчастныя дѣти!... Эти послѣднія слова генералъ произнесъ такимъ трагическимъ голосомъ, какъ будто передъ его глазами, въ самомъ дѣлѣ, стояли мои несчастныя дѣти, которыхъ я, разумѣется, еще не успѣлъ и нажать.—Изъ состраданія ихъ примутъ въ какую нибудь жалкую школу, а вашъ древній, дворянскій родъ весь распадется.... ваша фамилія исчезнетъ съ лица земли.... Какъ ваша фамилія? спросилъ генералъ, исполнински зашагавъ по всей комнатѣ.

— М...., ваше превосходительство.

— Несчастный родъ М....хъ! не считайте его болѣе существующимъ, потому что онъ, вашимъ преступленіемъ, окончательно изгоняется изъ всѣхъ формулярныхъ списковъ.... Избить чиновника — то же, что убить.... Говорите, за что дерзнули вы обезчестить его?

— Ваше превосходительство, помилуйте, заговорилъ я въ свою очередь:—онъ самъ хотѣлъ бить меня за то....

— Какъ! вскричалъ громовымъ голосомъ генералъ, подскочивъ къ самому моему носу: — онъ осмѣлился думать поднять руку на юнкера гусарскаго полка, оскорбить въ лицѣ вашей весь полкъ, меня, начальника, и вы его не оттащали? да вы послѣ этого что за военный! вы просто баба.

— Помилуйте, ваше превосходительство, да я....

— Да, да, вы его отдули и прекрасно сдѣлали! Я благодарю васъ отъ имени всего полка. Вы должны были это сдѣлать: иначе на васъ лежало бы пятно безчестія. Чѣмъ вы его били? говорите скорѣе.

— Саблей, ваше превосходительство.

— Слѣдовало бы его прикладомъ, мошенника.... осмѣлиться поднять руку на юнкера: нѣтъ, это ужъ слишкомъ! закричалъ генералъ, начавши снова шагать по комнатѣ: — я буду просить Государя Императора, чтобы онъ уволилъ меня въ отставку: я не могу служить, когда есть люди, которые рѣшаются поднять руку на юнкера моей дивизіи. Что я послѣ этого за начальника? я простая тряпка.... нѣтъ! рѣшено: отправляюсь сейчасъ самъ и настою на томъ, чтобы этого чиновника лишили всего имущества, капиталовъ, домовъ, чтобы вся вырученная сумма была роздана на бѣдныхъ, а чтобы его самого отправили на вѣчное поселеніе.... Извольте идти домой, сказалъ генералъ, обращаясь ко мнѣ: — я самъ сейчасъ лично поѣду хлопотать по вашему дѣлу. Я покажу ему, что такое юнкеръ полка моей дивизіи....

Не успѣлъ я пройти и двухъ улицъ, какъ мимо меня проскакалъ грозный начальникъ, сидя верхомъ на дрожкахъ.

— Что жъ было со станціоннымъ? спросили въ одинъ голосъ слушатели.

— Не знаю.... перевели куда-то, отвѣчалъ ротмистръ.

II. ПИЕННИКЪ.